

ДИАЛОГ О ВЕЛИКОЙ АКТРИСЕ

Однажды вечером я попросил свою мать, артистку Шару Джандарбекову, рассказать мне что-нибудь интересное о Куляш Байсеитовой. Мне хотелось написать о Куляш-апа, но не в общих словах, не трафаретно, а о каких-то особых свойствах ее личности, о ее человеческих качествах.

– **Вы очень хорошо ее знали, работали вместе... Расскажите о ней что-нибудь особенное.**

– Ой, сынок, я не только работала с ней вместе, мы родились в один год и в одном городе, росли вместе, и наш жизненный путь был таким насыщенным, что рассказывать придется тысячу и один день.

– **Нет, мне нужен какой-нибудь эпизод, но чтобы он был характерным, ярким. Я ведь не монографию собираюсь писать, а всего лишь рассказ.**

– Ты ставишь передо мной непосильную задачу. Эпизодов ведь тоже много. Начну издавека. В 1928 году мы одновременно поступили в драматический театр, который только что переехал из Кзыл-Орды в Алма-Ату. Со временем ведущее положение сначала в драме, а затем в оперном театре заняли две семейные пары – Джандарбековых и Байсеитовых. Но это было потом, а начинали мы с Куляш с самых-самых азов, нам даже не доверяли знаменитую фразу «кушать подано», мы были статистами, вроде манекенов на витрине, представляли «толпу» в массовках и не сразу выдвинулись на первый план. Кстати, моя «карьер» в драме оказалась более успешной, чем ее. Я играла разнохарактерные роли — и положительные, и отрицательные, а Куляш исполняла только «голубых героинь». К счастью, это не загубило ее таланта, драматический опыт помог Куляш стать уникальной оперной актрисой.

Мама помолчала и задумчиво продолжила:

– Может быть, следовало бы всем оперным певцам проходить школу драматического актера. Слишком много у иных напыщенности на сцене, пресловутой «театральщины» в самом плохом смысле, и незачем тут ссылаться на условность оперного искусства. А вот Куляш, несмотря на эту условность, выглядела на сцене убедительно, правдиво, жизненно. Это проявлялось у нее еще во время работы в драме. Помню, мы с ней играли соперниц в пьесе «Шуга». Она – героиню, а я – злодейку. В одной из сцен я

даю ей отраву, и дальше по ходу действия я должна злорадствовать над ее мучениями. Я взглянула на Куляш... и обомлела. Не только лицо – вся ее фигура выражала страдание и боль. У меня мелькнула мысль: «Может, я и в самом деле ее отравила?» Я до того испугалась, что невольно воскликнула: «Что с тобой, Куляш?» Ох и влетело мне от твоего отца! А нам тогда было по семнадцать лет.

– Я обратил внимание, что вы всегда плачете в последней сцене оперы «Кыз-Жибек»...

– Не всегда, сынок, а только когда играла Куляш. Других исполнительниц я воспринимаю спокойно, а вот Куляш – не могла... Она потрясала всех! Она была рождена для сцены и слишком много сил отдавала искусству... Может, поэтому у нее не оставалось их для личной жизни. Ты вспомни – в жизни у нее была «утиная походка», а на сцене – то плавная, то величавая, то стремительная... Она ведь самоучка, а как владела своим голосом, дыханием, ты только представь – в сорок лет она овладела колоратурной техникой! А вот еще один штрих. Ты часто бывал в театре и, наверное, обратил внимание, что Куляш не пропускала ни одного спектакля, где ее роль исполняли дублерши. Зачем ей это? Ведь дублерши были гораздо слабее ее, и она это знала. Тем не менее училась у них, «классических» оперных певиц, подмечала слабые стороны, чтобы не допускать подобного у себя, усиливала положительные моменты своей мастерской игрой. Да и что говорить, сейчас у нас целая поросль дипломированных певиц, и прошло много лет со дня ее смерти, а все еще нет той, кого можно было бы поставить рядом с Куляш.

Мама вздохнула. Мы помолчали немного.

– Вы вот сказали, что Куляш-апа все силы отдавала искусству. Может, успех ее – именно от этой самоотдачи, самоотверженности?

– Знаешь, было в ней еще что-то неуловимое, необъяснимое. Я за свою почти полувековую творческую работу встречалась, работала, дружила со многими выдающимися деятелями искусства. Все они любили свое дело до фанатизма. Могу привести в пример Галину Сергеевну Уланову. Но у Куляш... Лучше я тебе расскажу один случай.

После первой декады в Москве, после радушных встреч с москвичами, с деятелями культуры, с советским правительством, когда наш труд был высоко оценен, а двадцатичетырехлетняя Куляш в одном указе со Станиславским, Немировичем-Данченко, Барсовой, Хоровой была удостоена высшего звания – народной артистки СССР, наш коллектив, окрыленный успехом, выехал с отчетными спектаклями по родной республике. Нас встречали, как героев! Каждый спектакль превращался в праздник.

И вдруг в Петропавловске Куляш свалилась с жесточайшей ангиной. Температура около 40. Но мы не могли обмануть ожидания зрителей, и твой отец, тогда главный режиссер и ведущий артист, человек властный, принял неожиданное для всех и тем более для меня решение. Он велел мне выступить в роли Жибек в опере «Кыз-Жибек». Когда я запротестовала, он резко оборвал

меня и сказал буквально следующее: «Конечно, голосок у тебя не ахти какой, но ничего, возьмешь внешностью, да и имя Шары популярно сейчас, сойдет!»

Я была уже загримирована и, страшно волнуясь, готовилась к выходу, когда буквально приплелась закутанная до глаз Куляш и заявила, что будет петь. Оказывается, Куляш, услышав, что ее роль поручена другой, поднялась с постели и пришла в театр. Несмотря на высокую температуру, на слабый из-за болезни голос, она с блеском исполнила роль. Я вообще не помню, чтобы она когда-либо плохо играла любую свою партию.

– Иногда неудачи актрисы больше показывают ее человеческие стороны. Вы не помните...

– Нет, неудач у Куляш я не помню, – перебила меня мама.

– Но ведь она – живой человек, женщина. Неужели она ни разу, к примеру, не сорвала спектакль?

– Такого не помню, сынок. Но как я из-за Куляш однажды сорвала свой концерт – это я помню. Дело было в 1948 году в Тбилиси...

У меня была обширная гастрольная поездка – Прибалтика, Украина, Крым. Завершала я гастроль на Кавказе и к тому времени испытывала страшную усталость. Сильно тосковала по дому, по родным, особенно по тебе, тогда еще маленькому. Зрители везде оказывали такой радушный и теплый прием, что все концерты я проводила с подъемом, зато потом почувствовала себя совершенно опустошенной. Меня охватывала апатия, я не в силах была чем-либо интересоваться. Гостиница, концерт и снова гостиница.

И вдруг, как в сказке, в моем номере появляется Куляш.

«Шара!»

Я ошеломленно молчу.

«Шара! Меня пригласили сюда петь в опере «Даиси». Я умру от волнения, Шара. Выручай! Я хочу, чтобы хоть одна родная душа слушала меня в зале. Ты должна пойти на спектакль!»

Для меня немислимо было сорвать концерт, я не могла пойти на это ни при каких условиях, но тут, взглянув на взволнованную Куляш, неожиданно для самой себя кивнула, согласилась. На ней просто лица не было. При всей своей кротости Куляш была очень самолюбива, провал для нее был равнозначен смерти, это я не для красного словца говорю. Да ко всему — Тбилиси, грузины со своей многовековой культурой, со своим высоким искусством многоголосого пения.

В общем, я согласилась пойти с Куляш. Налбандов – директор, которого мне прикрепило на эту поездку Гастрольбюро СССР, схватился за голову, узнав об отмене концерта. Это было настоящим бедствием, тем более что все билеты уже проданы. Он буквально вопил:

«Шара, вы не знаете Кавказа, вы не знаете грузин! Они меня зарежут, у них кинжалы!»

Я отвечала, что кинжалов уже не носят и все грузины, которых я видела, ходят в цивильных платьях, а не в черкесках.

«Да они со своим темпераментом меня вот этой чернильницей могут отправить на тот свет! – сокрушался директор. – Поделом мне! Зачем я связался с гастролерами?»

Не знаю, как выкручивался Налбандов, что подумали обо мне зрители, но концерт был сорван. Ради Куляш.

Когда начался спектакль, я сидела на первом ряду среди зрителей. Мы с Куляш заранее выработали систему условных знаков. Если, например, она держится плохо, переигрывает, у меня на коленях должен появиться беленький платочек, если же все идет хорошо, я должна кивать головой.

Спектакль начался. Появление Маро – Куляш публика встретила вежливыми снисходительными хлопками. Тут я сплеховала. Желая поддержать Куляш, я освободила руки, положила платочек на колени и, усиленно кивая ей, заплодировала. Два условных знака слились в один. Бедная Куляш не могла понять, хорошо она играет или плохо. И, может, именно это ей и помогло. Видя мой платочек, она сдерживала себя, не переигрывала, что вполне могло случиться при большом волнении, а глядя, как я киваю, – она вдохновлялась.

Она вложила все свое дарование в эту роль. Несмотря на то, что ее партнеры пели на грузинском языке, а она – на непонятном для публики казахском, зал замирал, когда вся в белом, тоненькая, хрупкая, трогательная Куляш появлялась на сцене. Она была прекрасна!..

Занавес опустился, зал несколько мгновений хранил гробовую тишину, а затем взорвался бурей аплодисментов. Большая группа зрителей не дала завести мотор машины, в которой мы сидели, – они ее руками толкали до самой гостиницы. А затем, собравшись под балконом номера Куляш, долго не расходились, вызывали ее.

Я привела своих музыкантов, и мы все вместе вышли на балкон. Музыканты грянули «Казахский вальс» Хамиди, Куляш пела, я танцевала.

Мама замолчала, глаза ее заблестели, она тихо закончила:

– Это был настоящий триумф.

Затем, словно отмахнувшись от воспоминаний, улыбаясь, спросила:

– Ну, как, помогли тебе воспоминания старушки? Когда будешь писать?

– **Считайте, все уже написано, мама, спасибо.**

Куләш Байсейітова / сост. Аклима Омарова. – Алматы: «Өнер», 2012. – С. 157-161. (на каз, рус.)